

шить гражданина, чтобы охранить священный огонь отъ холоднаго вѣтра, сквозняковъ и вихрей. Эта спусходительность — въ тонѣ «Недавняго» и ею своеобразно дополняется чисто-общественный подходъ къ умершимъ людямъ, — изъ которыхъ каждый имѣлъ общественныя заслуги (а въкоторые имѣли заслуги очень большія). Сдѣланныя выше оговорки нужны главнымъ образомъ для того, чтобы уяснить перспективу, намѣченную самимъ авторомъ, и онѣ въ значительной мѣрѣ теряютъ силу, если читатель готовъ принять самую задачу «Недавняго» (въ наши дни особенно понятную). Авторъ какъ бы говоритъ: «Вотъ то что было прекраснаго въ людяхъ мною изображаемыхъ; вотъ то, въ чемъ они были служителями чистой идеи права, отвлеченными борцами за политическую свободу». Тѣмъ самымъ «Недавнее» принимаетъ характеръ рѣчи, сказанной, отъ имени исторической общественной группы, въ защиту большихъ идей, съ которыми связана вся дѣятельность автора. Это одна изъ самыхъ лучшихъ защитительныхъ рѣчей М. М. Винавера.

М. Алдановъ.

М. О. Гершензонъ. Статьи о Пушкинѣ. Изд. «Академія», 1926.

Въ этотъ сборникъ, дополняющій собою хорошо извѣстный первый сборникъ статей покойнаго Гершензона о Пушкинѣ («Мудрость Пушкина»), вошли статьи, печатавшіяся въ журналахъ 1923 — 1925 г. г. и одна — публикуемая впервые по неоконченной рукописи («Плагіаты Пушкина»), дополненная сдѣланной редакторомъ небольшою сводкой карточекъ, не успѣвшихъ получить обработки. Редакторъ замѣчаетъ, что «основная мысль Гершензона остается неясной и заглавіе его статьи загадочнымъ». Ничего неяснаго и загадочнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. «Плагіаты Пушкина» — продолженіе и расширение темы напечатанной въ этомъ же сборникѣ статьи «Пушкинъ и Батюшковъ». Рѣчь идетъ именно о «плагіатахъ», о заимствованіяхъ формъ, оборотовъ образовъ, словосочетаній — на мой взглядъ самый плодотворный, но и требующій величайшаго такта, методъ для опредѣленія природы и границъ творческой индивидуальности Пушкина. Чрезвычайно жалко, что Гершензонъ не успѣлъ пойти дальше начала. Собрать наличный матеріалъ — дѣло не такое ужъ трудное. Но для того, чтобы умѣть истолковать его психически — надо обладать тѣми качествами глубины, вдумчивости, чуткости, вкуса, сочетаніе которыхъ было столь чудесно осуществлено въ покойномъ Гершензонѣ. Упомянутая статья «Пушкинъ и Батюшковъ» — образецъ въ этомъ отношеніи. Какъ далеко до Гершензона выѣвшимъ «формалистамъ», возящимся съ «элементами» художественнаго произведенія, сознательно отвлекаясь въ процессѣ своей работы отъ того органическаго цѣлаго, къ которому они принадлежатъ! Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, что Гершензонъ въ томъ, что его отличало отъ «формалистовъ», былъ безгрѣшенъ. Его слабая сторона лежала въ другомъ. То органическое цѣлое, къ которому онъ относилъ элементы, которое онъ ни на мигъ не упускалъ изъ виду,

которое одно его интересовало, был **самъ поэтъ**, его внутренний миръ, но не данное произведение. Каждое стихотворение Пушкина — таково было а priori Гершензона — такъ сказать «математически слѣдовало» изъ «души» поэта. Гершензонъ закрывалъ глаза на то обстоятельство, что произведение поэзии, зачавшись почему либо въ духъ поэта, затѣмъ какъ-бы уже живетъ **своей жизнью**, что оно само есть «**организмъ**», что у него — **собственные законы** роста. Говоря проще и точнее и подходя къ дѣлу съ технической стороны, можно сказать, что въ поэтическомъ творествѣ чрезвычайную роль играетъ (въ этомъ глубоко правы «формалисты») работа надъ воплощеніемъ извѣстной художественной идеи или — что то же — надъ овладѣніемъ определенной художественной **формой**, надъ извлеченіемъ изъ нея присутствующихъ ей возможностей (ср. объ этомъ интересныя замѣчанія подлиннаго поэта, М. Цвѣтаевой, во 2-ой книгѣ «Благонамбренаго»).

Гершензону были чужды такія соображенія. Отношеніе поэта къ продукту его творчества онъ значительно упрощалъ. Въ каждой строкѣ въ каждомъ словѣ Пушкина онъ наивно искалъ автобіографическихъ признаній. Отъ крайностей «психоанализа» его оберегали его культурность и высота душевнаго строя; но подходилъ онъ къ этой пропасти уже очень близко*). Несчастливая мысль истолковать «Домикъ въ Коломнѣ» въ связи съ личными, пессимистическими, раздумьями Пушкина, пришла въ голову кажется ему первому, — и Ермаковъ въ своей нелѣпой книжкѣ (см. мой отзывъ въ 28-омъ № «Совр. Записокъ») только по своему «углубляетъ» анализъ Гершензона. Изъ интереснѣйшихъ наблюденій и сопоставленій въ статьяхъ «Явь и Сонъ», «Тѣнь Пушкина», «Сны Пушкина», вошедшихъ въ рассматриваемый сборн., не **вытекаетъ** съ неотразимой убѣдительностью (какъ это казалось Гершензону) то, что въ нихъ утверждается—напр., что Пушкинъ «атавистически» вѣровалъ въ личное безсмертіе въ смыслѣ жизни личности за гробомъ въ видѣ «тѣни», и пр. Гершензонъ не допускалъ и мысли, что Пушкинъ могъ шутить. Всюду онъ видѣлъ глубокомысленнѣйшую философію, то, что онъ называлъ «мудростью» Пушкина. Его собственная серьезность при этомъ граничила съ комическимъ. Надо прочесть цѣликомъ его разборъ «Графа Нулина». Его соблазнила запись Пушкина о томъ, какъ исходнымъ пунктомъ послужило для него преданіе о Лукреціи и Тарквиніи и какъ «ему» представилась мысль пародировать исторію и Шекспира.

*) «Психоанализомъ» уже очень отдастъ утвержденіе Гершензона, что Татьяна «знаетъ, что въ сердцѣ Онѣгина тлѣетъ ненависть къ Ленскому», но знаетъ подсознательно, что раскрывается въ ея снѣ: «наяву этого не знаетъ ни она, ни самъ Онѣгинъ» (стр. 106 и далѣе — цѣль сплошныхъ натяжекъ). На самомъ дѣлѣ сонъ Татьяны, какъ и Сонъ Руслана и сонъ Гринева въ «Капитанской дочкѣ», конечно же, только очень обыкновенный литературный приемъ, аллегорическое «предсказаніе» **самимъ авторомъ** событій, которыя должны послѣдовать, средство «заинтересовать читателя», а затѣмъ — доставить ему удовольствіе ретроспективно расшифровать «сонъ».

«Мысль Пушкина, говорит онъ, ясна изъ его записи. Вотъ происшествіе: насиліе Тарквинія надъ Лукреціей; это происшествіе явилось причиною громадныхъ историческихъ событій; что же: должны ли мы думать, что въ самой сущности его были заложены и неизбежность, и самый характеръ этихъ всемірныхъ послѣдствій, какъ въ маломъ зернѣ — весь будущій колосъ... Пушкинъ беретъ такое зерно и на глазахъ читателей разлагаетъ его на составныя части. Весь анализъ онъ производитъ сравнительно: вотъ историческое зерно — Тарквиній — Лукреція, и вотъ экспериментальное зерно — Графъ Нулинъ—Наталья Павловна. До половины анализъ обоихъ совпадаетъ вполне... Но... въ кульминаціонномъ пунктѣ тождество вдругъ прерывается. Лукреція поддалась насилію, Н. П. отражаетъ насиліе. Въслѣдствіе этого крошечнаго отклоненія дальнѣйшій ходъ происшествія даетъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе далеко расходящіяся линіи...» и т. д. «Изъ микроскопической случайности (то, что Лукреціи «не пришло въ голову» дать пощечину насильнику) развился колоссальный рядъ потрясеній». Вотъ что хотѣлъ сказать Пушкинъ «Графомъ Нулинымъ» (стр. 44, 45). Въ формѣ анекдота «цѣлая философія исторіи!» Гершензонъ не замѣтилъ еще одной «микроскопической» детали, которая не имѣетъ параллелей ни у Діонисія Галикарнасскаго, ни у Ливія, ни у Шекспира: Лидина, «помѣщика двадцати трехъ лѣтъ», который «смѣялся» надъ всѣмъ случившимся. Не ясно ли, почему Наталья Павловна повела себя иначе, чѣмъ Лукреція? Пушкинъ просто высказалъ свое мнѣніе — очень невысокое — о цѣлѣ женской добродѣтели. До философіи исторіи ему мало было дѣла. Но въ глазахъ Гершензона такое толкованіе было бы оскорбительно для Пушкина.

П. Бицилли.

Всеволодъ Ивановъ. *Мы*. Харбинъ, 1926, XVI+369 стр.

Книга В. Н. Иванова производятъ сначала впечатлѣніе скорѣе неприятное, — уже однимъ заглавіемъ, отъ котораго отдастъ Маяковскимъ. Прежде всего бросаются въ глаза тѣ черты ея, которыя невыгодно роднятъ ее съ столь многочисленными въ настоящее время рожденіями любительской «философско-исторической» публицистики, громогласной и пустой, самоувѣренной и невѣжественной. У автора на Невскомъ проспектѣ Пушкинскаго времени «въ часъ обычной прогулки» встрѣчаются «профессора Погодинъ» и «крупные благожелательные помѣщики Аксаковы» (стр. 7 — «помѣщики Аксаковы» ужъ навѣрно приняли бы это какъ личное оскорбленіе); Екатерина I едва ли не смѣшана съ Екатериной II (с. 11); сказанія о походахъ аргонавтовъ непостижимо какъ приведены въ связь съ передвиженіями «галльскихъ и германскихъ племенъ» (с. 45); Возрожденіе, по его догадкѣ, было вызвано... нашествіемъ монголовъ: «оно пришло съ неуловимымъ залахомъ цвѣтушихъ восточныхъ степей... Это великое дѣло никакъ не могло быть дѣломъ христіанства, либо корфвшаго въ хитросплетеніяхъ византійщины, либо одолѣвшаго этотъ міръ мечемъ